

Возможна ли «заботящаяся маскулинность»? Перспективы и границы теоретической концепции Карлы Эллиотт

ЕЛЕНА Ю. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ*, **

<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>

ОЛЬГА А. СИМОНОВА*

<https://orcid.org/0000-0003-4231-7076>

* Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация

** Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

Рекомендация для цитирования:

Рождественская Е. Ю., Симонова О. А. (2026) Возможна ли «заботящаяся маскулинность»? Перспективы и границы теоретической концепции К. Эллиотт. *Социология власти*, 38 (1): 77-106
EDN: CCCFVQ

For citation:

Rozhdstvenskaya E.Yu., Simonova O. A. (2026) Is 'Caring Masculinity' Possible? Prospects and Limits of Elliott's Theoretical Concept. *Sociology of Power*, 38 (1): 77-106

Поступила в редакцию: 14.09.2025;
прошла рецензирование: 21.12.2025;
принята в печать: 12.01.2026
Received: 14.09.2025; Revised:
21.12.2025; Accepted: 12.01.2026

© Authors, 2026

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: Авторы ищут ответы на вопрос: каковы альтернативные представления о маскулинности, которая была бы совместима с обозначившимся трендом на этику заботы? Такие дебаты ведутся в поле исследований маскулинности в связи с обсуждением пределов экономического роста, экономическим кризисом, гендерным эгалитаризмом и переходом к обществу заботы. Важный эффект этой установки — расширение задачи социального воспроизводства, прежде предписанной женскому гендеру в приватной и публичной сфере, в том числе и на мужчин. Самой дискутируемой является концепция «заботящейся маскулинности» (в противовес гегемонной маскулинности) Карлы Эллиотт, которая включает этику заботы, где нет места доминантному поведению и связанным с ним качествам, где фокус смещается на позитивные эмоции и взаимозависимые социальные отношения, — с собственно маскулинной идентичности к реальным практикам заботы. Анализируя теоретические исследования в этом поле, авторы характеризуют во многом парадоксальное для распространенных гендерных контрактов сочетание заботы и маскулинности, которое подразумевает, что мужчины, вовлеченные в практики заботы, сами будут изме-

няться, формируя новую идентичность и ценности. Но концепция заботящейся маскулинности, хотя и открывает многообещающие перспективы в процессе перераспределения власти/авторитета, противостоит понятию гегемонной маскулинности, которое содержит ресурсы гибридных стратегий адаптации, перехватывающих дискурсивную повестку. Апроприация отдельных дискурсивно привлекательных практик альтернативных маскулинностей и ценностей заботы обеспечивает внутреннюю диверсификацию гегемонной маскулинности, гибридирует гегемонный маскулинный альянс в целях адаптации. Как следствие, заботящаяся маскулинность остается этической и отчасти утопической концепцией, недооценивающей адаптивность патриархатной власти к социальным изменениям и критический потенциал социологии заботы.

Ключевые слова: социология заботы, заботящаяся маскулинность, гегемонная маскулинность, власть, гибридизация

Is 'Caring Masculinity' Possible? Prospects and Limits of Elliott's Theoretical Concept

Elena Yu. Rozhdestvenskaya*,**

<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>

Olga A. Simonova*

<https://orcid.org/0000-0003-4231-7076>

* National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

** Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract: What are the alternative notions of masculinity that would be compatible with the emerging trend towards an ethics of care? Such debates are being conducted in the field of masculinity studies in connection with the discussion of the limits of economic growth, the economic crisis, gender egalitarianism, and the transition to a care society. An important effect of this approach is the expansion of the task of social reproduction—previously prescribed to the female gender in the private and public spheres—to include men. The most debated concept is Carla Elliott's 'caring masculinity' (as opposed to hegemonic masculinity), which includes an ethics of care where there is no place for dominant behavior and related qualities, where the focus shifts to positive emotions and interdependent social relations, from masculine identity itself to real practices of care. Analyzing theoretical studies in this field, the authors investigate the largely paradoxical combination of care and masculinity, suggesting that men engaged in care practices will themselves change, forming a new identity and new values. But the concept of caring masculinity, although it opens up promising prospects in the process of redistribution of power/authority,

confronts the concept of hegemonic masculinity, which contains resources for hybrid adaptation strategies that intercept the discursive agenda. The appropriation of individual discursively attractive practices of alternative masculinities and the values of care ensures the internal diversification of hegemonic masculinity and hybridizes the hegemonic masculine alliance for the purpose of adaptation. As a result, caring masculinity remains an ethical and partly utopian concept that underestimates the adaptation of patriarchal power and the critical potential of the sociology of care.

Keywords: sociology of care, caring masculinity, hegemonic masculinity, power, hybridization

Введение

Гендерные исследования 80–90-х годов (Hearn, Parkin 1987; Cockburn 1991; Acker 1992) привели к обнаружению андроцентрических моделей поведения, которые были зафиксированы как доминирующие в управленческой и трудовой культуре. Ведущая исследовательница этой темы Рейвен Коннелл (Connell 1995) подтвердила эту точку зрения, сделав следующий важный шаг: она сформулировала концепцию множественных маскулинностей, выстраивающихся вокруг основной — гегемонной маскулинности. Наметилась теоретическая тенденция выделять все больше различных маскулинностей: гибкую, инклюзивную, гибридную, заботящуюся, токсичную и пр. (см., например: Anderson 2009; Elliott 2016). С тех пор множественность маскулинностей, разнообразие ее типов, не оспаривается, но внимание позднейших исследований как на концептуальном, так и на эмпирическом уровне приковано к идеям альтернативной маскулинности, более отвечающей эгалитарным гендерным установкам, а также к эмпирическим находкам, которые фиксируют сдвиги в маскулинных практиках в сторону более открытых, эгалитарных и ориентированных на заботу моделей поведения (Fthenakis, Minsel 2002; Holter 2003; Puchert et al. 2005; Scholz, Neilmann 2019). Еще в 1997 году была предложена философская концепция *универсального опекуна*, в которой подчеркнуты ценность труда по уходу и задача побудить мужчин участвовать в нем для достижения гендерного равенства (Fraser 1997). Статус универсального опекуна означает, что равенство достигается, когда мужчины уделяют уходу и заботе столько же или больше времени, чем женщины. С этой точки зрения уход и забота являются основой социального и экономического взаимодействия, которое применимо как к мужчинам, так и к женщинам. Европейские исследования демонстрируют эмпирические доказательства возросшей вовлеченности мужчин в отцовские практики, в (не)оплачиваемую работу по уходу и заботе, их расширяющееся присутствие в тех видах

оплачиваемого труда, который связан с уходом за пожилыми, больными, более широкую тематизацию мужчинами своих эмоций, здоровья, озабоченности экологическими рисками и проблемами (Scambor et al. 2014, 2019). Очевидно, что эта тенденция к проявлению заботы среди мужчин до сих пор больше исследовалась в частной жизни, например, в сфере отцовства, чем в публичной сфере, и скорее всего потому, что мужчины в профессиях, связанных с уходом, как утверждает Н. Хэнлон (Hanlon 2012), сталкиваются с постоянным противоречием между доминирующей гегемонной маскулинностью и преобладающими гендерными нормами, представляющими мужчин, работающих в сфере ухода, как обладателей более феминизированной и подчиненной маскулинности в обществе.

80 Тем не менее дискуссии относительно пределов экономического роста, демографические тенденции старения населения и проблем с уходом за пожилыми, сдвиги на рынке труда и вовлечение мигрантов в низкооплачиваемый труд по уходу, ассоциируемый ранее с женской заботой, превратили мужскую заботу в политический вопрос. С середины 2000-х годов заботливая мужественность или «заботящаяся маскулинность» (ЗМ)¹ (в дальнейшем теоретически разработанная Карлой Эллиотт, см.: (Elliott, 2016)) стала перспективной, нормативно-политической концепцией и исследовательской программой², нацеленной на расширение публичного дискурса об альтернативной маскулинности, включающей в себя ценности, вытекающие из феминистской этики заботы, такие как взаимозависимость, поддержка, эмпатия, внимание и совместная ответственность (Hrženjak, Scambor 2019), разработку практик вовлечения и законодательных мер по упрочению институциональных основ для реализации ЗМ и политики гендерного равенства. Однако заметна и другая реакция на совмещение оптики маскулинности и оптики заботы: А. Уолинг (Waling 2019, p. 94) отмечает, что необходимость оправдывать включение заботы в ролевой набор у мужчин и увязывать ее каким-либо образом с маскулинностью является скорее мышлением по инерции, а Дж. Аллан (Allan 2022, p. 45) вопрошает: почему способность «заботиться» должна обязательно стать типом маскулинности? Выражен и скепсис относительно множющихся маскулинностей: «головокружительное множество маскулинностей растет с каждым часом» (Messner 2004, pp. 75-76).

1 Здесь и далее мы используем для сокращения аббревиатуру ЗМ — Заботящиеся Маскулинности.

2 В частности, в исследованиях ЕС, таких как Work Changes Gender, FOCUS, Culture of Care, Boys in Care, Men in Care, а также в таких исследованиях, как GEQ — исследование гендерного равенства и качества жизни или IMAGES — Международное исследование мужчин и гендерного равенства.

Но почему концепция «заботящейся маскулинности» К. Эллиотт заслуживает внимания? Теории и концепции становятся, словами Мюррея Дэвиса, «интересными» или «успешными», то есть эвристичными, будучи связанными с существующими интерпретациями и пониманиями явления, а также предлагая ему новое объяснение: «Новая теория будет замечена только тогда, когда она отрицает старую истину» (Davis 1971, p. 311). Важно отметить, что «интересные» концепции не слишком похожи и не оторваны от общепринятых «истин», а связаны с ними и критикуют их. Они также предлагают яркие словосочетания, метафоры и мемы, подхватываемые неспециалистами. «Успешные теории успешны именно потому, что они не решают вопросы раз и навсегда; они открывают их для дальнейшего обсуждения и исследования» (Davis 2008, p. 77). Вероятно, в случае сочетания понятия маскулинности и заботы мы имеем именно такой случай. Как известно, маскулинность — это давняя концепция с акцентом на власти (Carrigan, Connell, Lee 1985; Connell 2000, 2005), занимающая центральное место в теориях патриархата. Концепция множественных форм маскулинности открыла возможность дифференцировать, казалось бы, единый феномен маскулинности и провести исследования меняющегося опыта, позиций и типов отношений мужчин к гендерной власти. Ключевое понятие — «гегемонная маскулинность» — неоднократно демонстрировало свою неоднозначность (см.: Hearn 2004; Тартаковская 2007)) из-за размытого использования понятия «гегемония». Спорили и о самом понятии маскулинности (Hearn 2004, 2012; Petersen 2003; Schrock, Schwalbe 2009), например, относится ли маскулинность к идеалам, типу личности, практикам или историческому культурному наследию (Demetriou 2001), что говорит о высокой адаптивности этого понятия к различным эпистемологиям. Сохраняющаяся амбивалентность и неясность маскулинности(ей) провоцируют научные дискуссии (Laclau, Mouffe 2001), оставаясь притягательной концепцией для академического мира.

81

Каким образом К. Эллиотт включает понятие заботы в теорию маскулинности? Забота как категория в социальных науках ставит вопрос о неравенстве, поскольку подразумевает труд и обязанности, которые должны кем-то исполняться, так как в заботе может нуждаться каждый (Здравомыслова, Темкина 2018). Теоретическая реабилитация заботы как модуса действия мужского гендера служит концептуальным мостиком для связи с общественной заботой и уходом, осуществляемыми мужчинами, которые хотели бы снять напряжение между своей маскулинной идентичностью и феминным образом заботы и ухода, например, в случае вовлеченного отцовства. М. Мойзер подчеркивает аспект заботы в отцовской вовлеченности через формулу «забота не только о семье, но и в семье»

(Meuser 2016). В обсуждаемых работах К. Эллиотт ЗМ увязывается с особой мужской идентичностью: «Центральным критерием для заботящихся маскулинностей остается... интеграция заботы и избегание доминантности» (Elliott 2019, p. 211). Но дискуссия развивается и с другой стороны: содержание самой заботы рассматривается как нагруженное и доминантностью, и контролем, и властью (Laufenberg 2017, p. 362). Неужели интеграция заботы в маскулинность не избавляет последнюю от гегемонии, поскольку забота сама содержит измерение власти?

Концепция К. Эллиотт, имеющая высокую привлекательность для социологии гендерных отношений и для общественных дискуссий о перспективах вовлечения в заботу мужчин как в частной, так и публичной сферах, оставляет лакуны для обоснования такой возможности. Они связаны с понятиями власти и доминирования, а также дифференцированного понимания феномена заботы. Какое место оставляет мужская доминантность для заботы, в какой степени отношения заботы лишены или все же сохраняют властный компонент взаимодействия, чтобы легитимировать концепт «заботящейся маскулинности»? Как, наконец, интерпретировать вовлечение мужчин в практики заботы — как альтернативную маскулинность или все же как гибридную маскулинность приспособляющегося патриархата? Мы будем искать ответы на эти вопросы, и в первом разделе представим аргументы К. Эллиотт с ее концептом ЗМ. Затем мы рассмотрим динамику власти и доминирования в отсылке к базовым концептам гендерной социологии, а также к теории А. Грамши, на которой выстроена концепция гегемонной маскулинности Р. Коннелл. В третьем разделе мы рассмотрим эти вопросы в контексте социологии заботы, обнаруживая аспект власти и доминирования в практике заботы. Наконец, в заключении мы объединяем обе оптики — власти и заботы, чтобы еще раз оценить целостность и убедительность концепции К. Эллиотт.

82

Концепция заботящейся маскулинности К. Эллиотт: новые горизонты

Во многих работах забота рассматривалась в основном как специфический «женский» опыт (см., например: Чернова 2012; Бороздина и др. 2019), но в данном случае через концепцию заботы как труда, этики и практики Эллиотт анализирует идентичность «нового мужчины» или новые конструкции мужского гендера. Концепция ЗМ с момента публикации в 2016 году (Elliott 2016) приобрела большую популярность в гендерных исследованиях, особенно в специализированном поле изучения мужчин и маскулинностей, а еще уже — в «критических исследованиях мужчин и маскулинностей»

(CSMM — Critical Studies of Men and Masculinities), которые связаны с изучением трансформаций в гендерных отношениях с позиций критического подхода к конструированию гендерной идентичности и изучения перспектив гендерного равенства. Эллиотт утверждает, что современные представления о мужественности уже начинают принимать новые формы, поэтому назрела необходимость подвести итоги многочисленным исследованиям мужчин и мужественности (см., например: Boyle 2002; Heath 2003; Holter, Lindquist 2003; Hanlon 2012) и теоретически разработать понятие ЗМ, которое включало бы теорию заботы (Elliott 2016, p. 240).

Согласно концепции Р. Коннелл, гегемонная маскулинность фиксирует патриархатный порядок через доминирование и исключение, но эта гендерная идентичность уже не является основной и доминирующей. Эллиотт подчеркивает, что маскулинность — не жесткая, а множественная социальная конструкция, поэтому существует множество альтернативных форм маскулинности. Среди разнообразия мужских идентичностей формируется и такая, которая соответствует тренду на гендерное равенство, — ЗМ, которая подразумевает отказ от доминирования как черты мужского гендера и «включает в себя ценности заботы, такие как позитивные эмоции, взаимозависимость и фокус на отношениях (relationality)» (Ibid.). При этом Эллиотт характеризует свою концепцию как основанную на практике, что означает, что автор рассматривает заботящуюся маскулинность как включающую в себя реальные практики заботы — уход, родительские практики, помогающие профессии и др. Иными словами, практики или труд заботы являются основанием для построения новой маскулинности, поскольку они сами по себе могут обладать преобразовывающей силой.

Эллиотт расширяет понятие гендерного равенства через интеграцию этики заботы, поскольку стандарты равенства устанавливаются обладающими властью и часто отражают мужскую перспективу. Равенство не должно означать, что женщины становятся «более похожими на мужчин», а скорее должно включать «ценности и добродетели заботы» (Ibid., p. 241). Основные ценности заботы — эмоциональность, взаимозависимость, внимание к другим — традиционно ассоциировались с женственностью, и женщины были как будто были единственными носителями заботы. Но эти качества могут быть частью маскулинных идентичностей, тем самым создавая равноправные отношения в разных сферах общества (Ibid., p. 247). Базируясь на работах Джоан Тронто, Кэрол Гиллиган, Евы Киттей и Вирджинии Хельд, Эллиотт утверждает, что забота — это не просто практическое действие, а этическое и политическое понятие, необходимое для построения справедливого общества (Ibid., p. 249). Поэтому, если ее ценности будут поддержаны и распростра-

нены в гендерных отношениях, то и гендерное равенство будет достижимо. И более того, мужчины должны сами через труд заботы участвовать в его установлении. Известный спор о том, должны ли мужчины бороться за гендерное равноправие (Kimmel 2010), Эллиотт перемещает в область практического осуществления заботы.

Почему Эллиотт считает возможным формирование ЗМ и ее разновидностей, которые зависят от конкретного социально-культурного контекста? Эллиотт выдвигает основной критический аргумент против понятия гегемонной маскулинности как объясняющего современные гендерные отношения: это понятие не описывает жизнь мужчин в подчиненном положении, например, представителей меньшинств, бедных и др. Второй аргумент — гегемонная маскулинность чрезвычайно затратна и для самих мужчин, и для женщин, и для детей. Поэтому появляется возможность для становления новых гендерных форматов маскулинности, что требует теоретической разработки. Эллиотт убеждена, что «смягчение» маскулинности, то есть сдвиг в сторону гендерного равенства, может обогащать жизнь мужчин, женщин и детей, способствуя установлению сотрудничества, интимности и расширению эмоционального репертуара (Ibid., p. 247).

84

Эллиотт исходит из различения (Ungerson 2006) *заботы для кого-то* (caring for — то есть решение задач заботы, в том числе и профессиональных) и *заботы о ком-то* (caring about — аффективной привязанности, отношений в процессе заботы, подразумевающих бережное отношение одновременно и к объекту, и субъекту заботы). Это различие служит Эллиотт для того, чтобы показать, что забота не подразумевает только «техническое» осуществление ухода, оба компонента имманентны заботе, то есть эмоциональный компонент и формирует заботу, даже если она осуществляется в коммерческих сервисах. Забота интимна, эмоциональна, аффективна и сфокусирована на отношениях, предполагает привязанность и солидарность. Также забота формирует для своей реализации этику, о которой уже написано довольно много (см., прежде всего: Gilligan 1982; Tronto 1993, 2013). Отсюда Эллиотт предлагает рассматривать ЗМ как практику, где центральную роль играют *отказ от доминирования*, традиционно связанного с гегемонной маскулинностью, и усвоение ценностей заботы (Elliott 2016, p. 252). Что же означает этот отказ от доминирования? С точки зрения Эллиотт, которая полагается на работы Е. Киттей, важно, чтобы отношения зависимости не превращались в доминирование одного, нарушая интересы другого (Kittay 1999, p. 34). Эта зависимость должна использоваться только для пользы другого, в интересах другого, и неравенство в отношениях заботы должно и может служить обеим сторонам, а отношения зависимости должны превратиться в отношения взаимной

зависимости. Отказ от доминирования, с точки зрения Эллиотт, закодирован в этике заботы — не использовать власть и зависимость во вред всем сторонам заботы, не использовать заботу для доминирования и усугубления неравенства. Как мы прочитали К. Эллиотт, она сделала ставку на власть и доминирование как ядро маскулинности, не тематизируя остальные аспекты. Поэтому возникает вполне закономерный вопрос: как теоретически тогда будет выглядеть маскулинность? Традиционная маскулинная идеология ориентирует мужчин сохранять эмоциональную независимость и избегать уязвимости. Например, Роберт Брэннон указывает в качестве норм маскулинности необходимость: 1) отличаться от женщин; 2) добиваться успеха и опережать других мужчин; 3) быть сильным, независимым и не показывать слабость; 4) обладать властью над другими. Исключая последний компонент, мы получаем сложную задачу самоопределения и самоутверждения у мужчин, лишенных власти (Brannon 1976).

Этика заботы включает фокус на эмоциях, которые считаются позитивными и ценятся людьми, — сочувствии, эмпатии, чувствительности к нуждам других, отзывчивости, сострадании и других эмоциях, которые порождаются различиями в статусе нуждающихся в заботе и способными ее осуществлять, что и отсылает к взаимной зависимости. Эллиотт опирается на работы Нила Хэнлона, который делает акцент на эмоциональной насыщенности взаимно зависимых отношений заботы, и утверждает, что мужчины могут получать вознаграждения именно от эмоциональной стороны этих отношений (Hanlon 2012, p. 137). Позитивные эмоции, чувство ответственности и взаимозависимость рассматриваются Эллиотт как важные составляющие ЗМ, поскольку осуществление заботы побуждает мужчин к чувству ответственности, дает им чувства «компетентности», гордости, радости, ощущение счастья, уважения, любви, замещающая страх и властность (Elliott 2016, pp. 252–253).

Таким образом, по Эллиотт, ЗМ может дать новые более эффективные рычаги для достижения пользы и удовлетворенности, чем гегемонная маскулинность (Ibid., p. 253). В основе ЗМ лежит переосмысление традиционных мужских ролей (например, защитника и кормильца), что, по мнению Эллиотт, может изменить структуру гендерных отношений через равное распределение заботы между мужчинами и женщинами и снизить социальные издержки гегемонной формы маскулинности. Традиционная ценность защиты, которую содержит мужская идентичность, с точки зрения Эллиотт, совместима со всеми ценностями заботы. Практика заботы способствует «смягчению» маскулинности, развитию способности к эмпатии, осознанию женского вклада в заботу и разрушению стереотипа о доминировании мужчин (Ibid., p. 254). С очевидностью, концепт

ЗМ рассчитан на потенциальное изменение гегемонной маскулинности, обсуждая направление и содержание этих изменений.

Маскулинность и власть: способна ли гегемонная маскулинность меняться?

Впервые о гегемонной маскулинности социологи Тим Кэрриган, Боб Коннелл и Джон Ли написали в работе «На пути к новой социологии маскулинности» (Carrigan, Connell, Lee 1985), далее эта концепция развивалась в ряде последующих работ Р. Коннелл — «Гендер и власть» (Connell 1987) и «Маскулинности» (Connell 1995). В качестве ответа на критику концепции Коннелл и Мессершмидт публикуют продвигающую эту концепцию статью в 2005 году (Connell, Messerschmidt 2005). Коннелл выдвинула ряд связанных предположений о том, что властные отношения в современном гендерном порядке сосредоточены на структурном факте: глобальном доминировании мужчин над женщинами. Стратегию, посредством которой достигается это доминирование, Коннелл называет гегемонной маскулинностью — т. е. конфигурацией гендерной практики, которая воплощает в себе ответ на проблему легитимности патриархата, гарантирующего мужскую супрематию и подчинение женщин. В своем теоретическом обосновании эта концепция опирается на понятие гегемонии А. Грамши. Таким образом, Коннелл понимает гендерные отношения как форму господства, которая зависит от власти и доминирования со стороны мужчин, но также и от неявного согласия женщин на свое подчиненное положение, вознаграждаемое патриархатными дивидендами.

Далее, маскулинность концептуализируется как реляционный феномен, возникающий в рамках двойных властных отношений: по отношению к женщинам и женственности как к основной оси власти, и по отношению к другим мужчинам и их маскулинностям (ср.: Connell 1987, 2015). Следуя этой реляционной идее, гегемонную маскулинность следует понимать как воплощение «принятой в настоящее время стратегии» (Connell 2015, p. 131), которая обеспечивает сохранение патриархата и господство над женщинами и женственностью, а также над другими мужчинами и маскулинностями. Наконец, гендер, по Коннелл, — это «конфигурация практик», и акцент следует делать «на том, что люди действительно делают, а не на том, что ожидается или воображается» (Connell 1987, p. 167). Поскольку гендерные практики нагружены различными историко-культурными контекстами, реализуется она социальными акторами разнообразных этнических общностей, классов или поколений, — это основание для множественности маскулинных и феминных идентичностей. Коннелл включает в понятие маскулинностей идею из

менения: «Скорее, это та форма маскулинности, которая занимает доминирующее положение в данной структуре гендерных отношений, положение, которое, однако, может быть поставлено под сомнение в любой момент» (Connell 2015, p. 130). Коннелл, правда, оставляет за кадром источник потенциальных изменений конструкта маскулинности, поэтому вопрос — реакция ли это на внешние вызовы или это продукт противоречий внутри самих гендерных отношений — остается в этой концепции без ответа.

Перспектива изменения маскулинностей, в первую очередь гегемонной маскулинности, вдохновляет сегодня многих исследователей (Ward 2021; Budde, Rieske 2023; Boise 2022, 2024), формируя спектр позиций. На три существенных из них — ориентации на сохранение, на трансформацию и на гибридизацию маскулинности — указывает Юрген Будде (Budde 2025, pp. 85-86). Первое направление, ссылаясь на теории власти и гегемонии, убеждает в *сохранении* доминантно-ориентированных форм маскулинности. Так, Пьер Бурдьё считает мужское доминирование прототипом любой символической власти. Символическое господство функционирует как «вымогаемое признание <...> для важной игры» (Bourdieu 1997, p. 216). Теория гегемонной маскулинности Коннелл также уделяет особое внимание властным отношениям, которые артикулируются не только в материальных и символических структурах, но, прежде всего, в идеологическом превосходстве, своего рода консенсусе, к которому присоединяются или должны присоединиться все мужчины. Коннелл считает «успешно заявленное притязание на власть» (Connell 1999, p. 98) неотъемлемой характеристикой гегемонной маскулинности. Однако акцент на воспроизводстве гегемонной маскулинности и связанных с ней механизмов господства и угнетения не открывает перспектив для теоретизации переговорной борьбы с гегемонией, а также ее эмансипацию и деиерархизацию.

Второе направление фокусируется преимущественно на *трансформациях* и акцентирует инклюзивные практики и практики заботы (об альтернативных маскулинностях, см.: Tunç 2018; Elliott 2016; Buschmeyer 2013; Anderson 2009). Такая «инклюзивная маскулинность» (Anderson, McCormack 2018) характеризуется неприятием гендерной дискриминации и утверждением правового и социального равенства; отменой мизогинии и обесценивания женщин; отказом от поведения, традиционно служащего для утверждения маскулинности; отказом от насилия для отстаивания собственных интересов, принятием эмоциональной близости. Но эта альтернатива эгалитарных установок не снимает для ее носителей необходимости соотносить себя с гегемонной маскулинностью. Подчиненные маскулинности, по Коннелл, находятся в иерархическом подчинении к гегемонной маскулинности, поэтому на их основе

сложно позитивно сформулировать или критически отвергнуть гегемонную маскулинность. Таким образом, это направление теоретического развития указывает на возможность как минимум критического размежевания с гегемонной маскулинностью и в связи с этим трансформацию через эгалитарные практики тех маскулинностей, которые могут оказать положительное влияние на гендерные отношения в смысле их демократизации (Elliott 2016, 2019). Тем не менее и перспектива инклюзивной альтернативной маскулинности подвергается критике, ставится под сомнение новизна этих наблюдений (Voise 2015a, b), отмечается классовая предвзятость в пользу привилегированных элит (O'Neill 2015).

Третье направление, в контексте задачи объяснить динамическую стабилизацию феномена маскулинности, выступает за понимание трансформаций как условия для сохранения мужской гегемонии в смысле гибридизации (Voise 2015a). Гибридная маскулинность подразумевает «избирательное включение элементов идентичности, обычно связанных с различными маргинализованными и подчиненными маскулинностями, а иногда и феминностями, в гендерные проявления и идентичности привилегированных мужчин» (Bridges, Pascoe 2014, p. 246). В результате даже гегемонная маскулинность допускает включение негегемонных элементов, и возникающая в итоге адаптивность как гибридность является основой для сохранения доминирования мужчин над женщинами. Тристан Бриджес и Си Джей Паско (Ibid.) описывают любопытные стратегии гибридизации: 1) дискурсивное дистанцирование определенных групп мужчин от гегемонной маскулинности, 2) стратегическое заимствование элементов идентичности у подчиненных и маргинализованных маскулинностей, а также 3) консолидацию социальных и символических границ и неравенств. Эти три стратегии гибридизации гегемонной маскулинности открывают новые теоретические перспективы для анализа маскулинностей. Гибридизация маскулинности с заботой может представлять собой не только и не столько инклюзивность, сколько стратегическое заимствование дискурсивно привлекательных и политически ангажированных моделей изменения без существенного изменения властной позиции и маскулинной автономии. Позиция Будде в оценке перспектив возможной трансформации гегемонной маскулинности увязана именно с автономией, которая дает точку отсчета для доминирующей позиции, предоставляющей привилегии и полномочия (в принятии решений и определении) лицам, идентифицирующим себя как мужчины (Budde 2025).

Если вернуться к базовому понятию гегемонной маскулинности Р. Коннелл, которое оспаривает К. Эллиотт в вышеописанной работе о заботящейся маскулинности, то один из критиков Коннелл Де-

метракис Деметриу предлагает называть ее внешней гегемонией (Demetriou 2001), то есть институционализацией доминирования мужчин над женщинами в трех различных, но неразделимых структурах или измерениях гендерных отношений — в отношениях труда, власти и эмоциональной привязанности (катексиса), а также в символической репрезентации в культуре. Если на рынке труда главенствует гендерно неравная интеграция, то во властном измерении — неравная сегрегация, в структуре катексиса — паттернизация объекта желания, а символическая репрезентация обеспечивает стереотипную дихотомию гендерных категорий (Connell 2000, pp. 24–26).

Что касается внутренней гегемонии — доминирования над другими маскулинностями, то для ее рассмотрения необходимо подключить интерсекциональный подход, чтобы учесть различия и неравенство между мужскими характеристиками в доминирующих и подчиненных социальных группах (класс, этническая принадлежность, возраст, территориальная локальность). Маргинальные подчиненные маскулинности в концепции Коннелл вознаграждаются за счет патриархатных дивидендов, ведь они, если и не действуют так, как предписано гегемонной моделью, но все же пассивно поддерживают ее, реализуя соучаствующую форму маскулинности. Идея «соучастия в маскулинности» интересна тем, что гегемонная практика далека от реальности большинства мужчин, это, скорее, «культурный идеал» образцовой маскулинности, тем не менее разделяемый большинством. Если условия воспроизводства патриархата меняются, то возникает и запрос на изменения маскулинности, стимулируя к адаптации ведущие паттерны образцовой маскулинности и сохраняя стратегию эффективной. Как пишет Деметриу о концепции Коннелл, «оригинальность ее заключается в формулировке единого теоретического принципа, гласящего, что отношения внутри гендерных категорий центрированы на отношениях между гендерами и могут быть объяснены ими» (Demetriou 2001, p. 343). Но есть ли различие между этими типами господства — над другими маскулинностями и мужчин всех вместе над женщинами? Коннелл предложила следующее различие: иные маскулинности находятся в подчинении не потому, что они лишены определенного социокультурного опыта и качеств вследствие него, а потому что конфигурация практик, которую они воплощают, не соответствует актуально принятой стратегии подчинения женщин, что можно проинтерпретировать как главенство внешней гегемонии маскулинности над внутренней (Demetriou 2001, p. 346).

Этот момент был оспорен Деметриу, который вернулся в своем рассуждении к исходным идеям, которые были почерпнуты Коннелл у Антонио Грамши относительно двойственной природы

классового господства. Как писал Грамши в «Тюремных тетрадах», «[Класс] является господствующим двумя способами, то есть “лидерствующим” и “господствующим” (Gramsci 1971, p. 57). Господствующий класс руководит другими классами, которые являются его союзниками, и господствует над классами, которые являются его врагами. Это различие можно отнести к различным стратегиям, принятым классом в его гегемонической борьбе против социальных групп, чьи интересы противоречат его собственным, и против групп, чьи интересы можно было бы примирить с интересами класса, стремящегося к гегемонии. Стратегии, соответствующие этим двум целям, то есть господство и лидерство, радикально отличаются друг от друга тем, что первая направлена против «врагов», над которыми необходимо господствовать, а вторая направлена на потенциально союзные группы, которые необходимо возглавить. Целью лидерства является формирование «исторического блока», альянса, объединяющего все союзные группы под зонтиком группы, стремящейся к гегемонии, делая их представление о мире однородным и соответствующим проекту господства; процесс, который неизбежно предполагает подчинение некоторых интересов руководимых групп.

90

Что объединяет Грамши и Коннелл: внутренняя гегемония — это стратегия объединения класса/гендера, стремящегося к гегемонии, за счет близких групп, чтобы иметь возможность утвердиться вовне по отношению к группе, над которой должна осуществляться гегемония. Лидерство и господство можно представить как внутреннюю и внешнюю гегемонию маскулинности. Но Грамши и Коннелл расходятся именно в понимании этого фундаментального процесса внутренней гегемонии. Для Грамши этот процесс предполагает реципрокность и взаимодействие между ведущим классом и руководимыми группами, а Коннелл считает, что подчиненные и маргинализованные маскулинности не влияют на построение гегемонной модели (Demetriou 2001, p. 345). Эти отношения «сверху вниз» во внутренней гегемонии Коннелл видит как «авторизованные» в том смысле, что гегемонная модель может наделить правами некоторые элементы подчиненной или маргинализованной маскулинности (Connell 1995, p. 81). Хотя, на наш взгляд, это можно расценить и как апроприацию — символическое присвоение чужих культурных образцов доминантной культурой, их интерпретацию и преобразование (Rogers 2006; Huck, Bauernschmidt 2012). В концепции Коннелл гегемонная маскулинность развивает отношения с подчиненными маскулинностями, лишь субординируя и маргинализируя их. Теория Коннелл отклоняет интерпретацию формирования гегемонной маскулинности как реципрокную с другими этажами маскулинной иерархии, а «негегемонические маскулин-

ности появляются у нее только как возможные альтернативы, как контргегемонические силы, которые существуют “в напряжении” с гегемонной моделью, но они никогда не проникают в нее» (Demetriou 2001, p. 346). Из этого теоретического спора рождается идея концептуализировать гегемонную маскулинность как гибридный маскулинный альянс, который объединяет разнообразные и разнообразные практики для построения наилучшей возможной стратегии воспроизводства патриархата, полагает Деметриу, а вслед за ним и другие (Bridges, Pascoe 2014; Pangritz 2023). Именно инкорпорирование или апроприация отдельных практик альтернативных маскулинностей обеспечивает внутреннюю диверсификацию гегемонной маскулинности, гибридирует гегемонный маскулинный блок в целях динамики и гибкости, необходимости реагировать и перегруппировываться перед лицом конкретных социальных и экономических проблем.

Таким образом, понятие маскулинного альянса Деметриу, воспроизводящее логику лидерства и господства Грамши и основанное на различении внутренней и внешней гегемонии, предполагает, что гегемонная форма маскулинности как основа патриархата находится в постоянном процессе согласования, трансляции, гибридации и реконфигурации, то есть способна адаптировать для себя некоторые черты подчиненных маскулинностей и феминностей для приспособления к актуальной повестке и изменениям.

Заботящаяся маскулинность в контексте социологии заботы: перспективы и ограничения

В этом разделе мы перенесем акцент на содержание заботы в концепте заботящейся маскулинности¹. В процессе заботы неизбежна зависимость, а значит, и все время присутствует возможность власти одного над другим, будь это объект или субъект заботы. Категория заботы заняла важное место в социальных науках, в том числе в социологии, и понимается как модус отношений, включающий ответственность, эмпатию, эмоциональную вовлеченность и *контроль* над объектом заботы. Забота включает в себя отношения в сфе-

1 Наше понимание дисбаланса власти в режимах заботы здесь сфокусировано на гендеризованных отношениях, это намеренно выстроенный перекресток, отвечающий задачам концептуального исследования, но, безусловно, не покрывающий всех интерсекционально обеспеченных связей и напряжений. И разумеется, в порождении неравенства участвуют и женщины, интернализирующие нормы заботы и получающие свои патриархатные дивиденды. Но мы ограничены в своей задаче мужчинами, маскулинностью, нам интересны коллизии, с ней происходящие и ее, возможно, меняющие.

ре широкого спектра деятельности от неоплачиваемого домашнего труда (традиционно связанного с женскими ролями) до профессионализированных форм ухода и сервисов (Бороздина и др. 2019). Забота стала пониматься преимущественно как социальная практика, поскольку таким образом удастся подчеркнуть взаимозависимость отношений и разнообразие проявлений заботы. Категория заботы в социологии как раз представляет заботу как социально и нормативно структурированный процесс, *тесно связанный с гендерными ролями и социальными неравенствами*. Поэтому забота часто рассматривается как специфический женский опыт семейных ролей, включающий неоплачиваемую домашнюю и эмоциональную работу, а также опыт всех сегрегированных профессиональных занятий, регулируемых рынком и государством (Чернова 2012). Иными словами, с самого начала забота указывает на распределение ресурсов, связанное с гендерным неравенством, которое, собственно, и регулирует доступ к заботе, ресурсам, труд заботы. В социологии заботы сама этика заботы (эмоциональная вовлеченность, доверие, альтруизм и солидарность) служит не эпистемологическим основанием, а предметом исследования, поскольку диктуется актуальными социально-экономическими факторами. Несмотря на присутствие этических установок заботы, общественные дискуссии и социально-политические программы, в отношениях заботы постоянно возникают разные типы асимметричных отношений.

92

Современные исследования показывают, что мужская доминантность в сфере заботы сохраняется, хотя и трансформируется. Несмотря на расширение участия мужчин в практиках заботы, патриархальные нормы и иерархии продолжают действовать, что отражается в контроле над ресурсами, распределении ролей и властных отношениях: мужская забота часто осуществляется в рамках структур, где мужчины сохраняют контроль и власть или приносят его в отношения заботы (Townsend et al. 2021). Сложность структуры мужской доминантности — в том, что она не ликвидируется автоматически при включении мужчин в эмоциональные и заботливые роли (Connell, Messerschmidt 2005). Отношения заботы редко бывают полностью свободны от власти, поскольку включают зависимость и контроль, поэтому ЗМ — это скорее рефлексивно используемая властная позиция для осуществления поддержки и защиты, что демонстрирует гетерогенность и адаптивность мужских ролей — отношения власти смешиваются с эмоциональностью в отношениях заботы, колеблются между уязвимостью и властностью, сохраняя при этом бинарные отношения (Ibid.). Несмотря на то что сама практика заботы бросает вызов традиционным гендерным нормам, традиционная патриархальная маскулинность сохраняется в зависимости от конкретного контекста (Evans 2019). Хотя

часть исследователей продолжает считать, что вовлечение мужчин в заботу создает альтернативную маскулинность, ломающую стереотипы, и стимулирует равноправие, большинство придерживается идеи гибридной маскулинности, в рамках которой мужчины адаптируются к новым социальным требованиям, сохраняя при этом элементы традиционной доминантности даже там, где все сосредоточено на отношениях и эмоциональной привязанности (Calasanti 2010).

Отношения заботы характеризуются не только эмпатией, но и властью, поскольку заботящийся часто контролирует жизненную среду, ресурсы и даже тело другого человека, порождая сложные формы зависимости. Поэтому в противовес ЗМ возникает новая вариация этого понятия — «гибридная заботящаяся маскулинность» (Evans 2019), чтобы отразить слияние традиционной мужской власти с новыми практиками заботы. Такие гибридные формы необходимы мужчинам, чтобы соответствовать современным социальным ожиданиям. Властный контроль необходим и для самой легитимации роли мужчины в сфере заботы, обеспечивая сохранение патриархальных структур, но в реформированном виде (Ibid.).

Постулирование Карлой Эллиотт заботящейся маскулинности следует воспринимать как попытку обосновать теоретическую возможность, поскольку сами мужчины не готовы меняться, существует сопротивление мужчин гендерному равенству, которое подкрепляется патриархальными практиками, сексизмом, властными отношениями, и основано на страхе субординации, страхе потери своих привилегий и проявления «женских» черт и эмоций. В определенном смысле надо быть героем, чтобы сопротивляться гегемонной маскулинности — это само по себе эмоциональный труд (Hanlon 2012, p. 209). Однако, с точки зрения Эллиотт, это сопротивление может быть преодолено самим участием мужчин в труде заботы, в конкретных практиках заботы (Elliott 2016, p. 255). Иными словами, она пишет о ЗМ как о возможности и подчеркивает, что на пути ее формирования обществу желательно выработать способы поддержки и поощрения мужчин без стигматизации и шейминга (Ibid., pp. 257-258). Отсюда теоретическая разработка понятия ЗМ у Эллиотт, по сути, является этической программой («от ценностей доминирования и агрессии к ценностям взаимной зависимости и заботы» (Ibid., p. 255)), которая только намечает сдвиги в понимании маскулинности, но не отражает сложные отношения вне и внутри гендерных категорий. Более того, эта концепция основана на расширенном представлении о гендерном равенстве и социальной справедливости, что делает ее своего рода основой для политического действия и борьбы за гендерное равенство (Ibid., p. 258). Подчеркнем, что Эллиотт близка к области критических исследований

мужчин и маскулинностей (CSMM), в которых как раз господствует интерсекциональный подход, учитывающий различные скрытые возможности неравенства, но ее собственная теория кажется скорее утопичной на этом фоне.

Если мы возьмем для примера вовлеченное отцовство, то, несмотря на то что оно кажется одним из способов реализации ЗМ, представители CSMM полагают, что для изучения воплощения ЗМ необходима более широкая социальная перспектива, которая, во-первых, может показать барьеры на пути формирования этой гендерной идентичности, а во-вторых, для реализации ЗМ нужен радикальный отказ от всех форм подавления и угнетения, прежде всего расового (Prattes 2022, p. 1). Риика Праттес, рассматривая вовлеченное отцовство как возможную реализацию ЗМ, убедительно показывает, что Эллиотт опускает тот самый интерсекциональный подход, присущий как CSMM, так и социологии заботы. Если учитывать широкий контекст властных и экономических отношений, то применительно к вовлеченному отцовству становится очевидным, что ЗМ могут позволить себе в основном белые мужчины среднего класса, что, в свою очередь, способствует укреплению социальных, расовых и гендерных иерархий, скрывая роль структурных факторов и маргинализированных групп. Изучение международного разделения репродуктивного труда показывает, что мигранты выполняют низкооплачиваемую работу по уходу и дому, в то время как более привилегированные мужчины реализуют идеалы «вовлеченного отцовства» (Prattes 2022, p. 9). Практика вовлеченного отцовства, хотя и на первый взгляд кажется прогрессивной, фактически сохраняет и закрепляет расовые и гендерные иерархии в отношениях заботы (Ibid., p. 16). Поэтому Праттес полагает, что ЗМ должна быть радикальным проектом отказа от любых форм доминирования и гегемонной маскулинности, что доказывает, с нашей точки зрения, этический характер и утопичность ЗМ. Праттес настаивает на том, чтобы изучать не поверхностное принятие роли заботливого мужчины среди привилегированных групп, а опыт представителей как раз подчиненных и маргинализированных групп, где чаще могут возникать подлинные практики отказа от доминирования и реальной заботы, поскольку именно эти мужчины понимают, что такое доминирование и как ему сопротивляться (Prattes 2022, p. 24). Преодолеть легковесную позитивность понятия ЗМ, с позиции исследовательницы, можно путем расширения исследовательских горизонтов — интерсекционального подхода и учета разнообразия мужских идентичностей, чтобы концепция ЗМ не стала инструментом «невидимого» закрепления мужских привилегий (Ibid., p. 26).

Несмотря на то что понятие ЗМ стало очень популярным наряду с другими формами маскулинности и использовалось в различных

исследованиях (см. Обзор: Wojnicka, de Boise 2025), эксперты зафиксировали, что в этой концепции игнорируется анализ власти и социальных изменений, она рассматривается скорее как идентичность, а не как вовлеченность в реальные практики заботы (Ibid., p. 1). Термин ЗМ распространился за пределы академических исследований в медиа и позитивно воспринимается мужчинами, особенно из привилегированных групп, о чем пишет сама Эллиотт (Elliott 2019), а также используется (и коммерциализируется) для создания «прогрессивных» образов мужчин (например, блогеры-отцы, образы спортсменов и др.), что как раз может свидетельствовать о перехвате повестки и инкорпорировании позитивных образов мужчин в представления о маскулинности.

Как концепт ЗМ применялась большей частью в изучении вовлеченности мужчин в уход за детьми, домашний труд, совмещение собственной карьеры с отцовством (см., например: Prattes 2022). Пандемия COVID-19 способствовала развитию понятия ЗМ, поскольку возникла необходимость перераспределения домашних обязанностей (Baral 2021; Ciaruta et al. 2023). Особое внимание уделялось изучению профессиональных сфер заботы, где количественно доминируют женщины, и мужчины перенимают у них навыки заботы (Kluczyńska 2021; Scambor et al. 2024). В результате ЗМ стала рассматриваться не как конечное достигнутое состояние, а как *процесс* постоянного переосмысления и борьбы с противоречиями традиционных и новых форм маскулинности (Wojnicka, de Boise 2025, p. 10), как инструмент, позволяющий видеть проблему усиления патриархатных структур и практик и высвечивать необходимость интерсекционального подхода с учетом колониальных и расовых факторов (Nayak 2023).

Многие исследователи (см., например: Hunter et al. 2017) указывают, что ЗМ слишком оптимистична, основана на нарративах, а не на практиках (вопреки декларируемому в концепции), и может быть превращенной формой расширения гегемонной маскулинности. Сама граница между заботой и так называемой «защитной» маскулинностью (когда защита является частью доминирования) размыта и не решает проблемы власти и неравенства в гендерных отношениях: маскулинность только маркируется как забота при сохранении власти и контроля. Тип ЗМ позволяет фиксировать изменения в гендерных отношениях и, в частности, в отношениях заботы только в определенной степени, поскольку концепция недостаточно учитывает классовые, расовые и профессиональные барьеры, которые влияют на возможности мужчин проявлять заботу (Geisler, Kreyenfeld 2018; Salin et al. 2018; Banarjee et al. 2022). Также в пересмотре нуждается разделение домашнего труда в контексте реальных практик мужчин и женщин, если мы применяем оптику

заботы. Различие между *caring for* (уход за другими), *caring about* (забота о ком-то как эмоциональная вовлеченность) также нуждается в переосмыслении и включении *self-care* (заботы о себе) в понятие ЗМ (Wojnicka, de Boise 2025). Как стало очевидным, само понятие заботы является сложным, многоступенчатым реципрокным процессом (Лехциер 2019), на каждом этапе которого возникают этические коллизии и конфликты.

В последнее время ярко проявилось еще одно противоречие: между этикой, практикой заботы, нацеленной на развитие отношений, и неолиберальной идеологией, которая нацелена на развитие автономии и, как результат, приватизации заботы. Неолиберализм, с его акцентом на экономическую свободу, индивидуализм и приватизацию рисков, меняет социальные роли мужчин, частично стимулируя вовлеченность в заботу, но при этом сохраняя прагматические и иерархические основы гендерной идентичности. Влияние рыночных ценностей означает, что забота часто рассматривается как индивидуальная ответственность, а не общественная, что обуславливает практики «вовлеченного отцовства» и «сдержанной эмоциональности» у мужчин, поддерживая, как ни парадоксально, гегемонию маскулинности (Garlick 2023).

96

Одновременно консервативный поворот в идеологии и социальной политике часто подчеркивает традиционные семейные ценности и роли, ограничивая пространство для альтернативной маскулинности и поддерживая неопатриархальные нормы. В такой атмосфере вовлечение мужчин в заботу интерпретируется через призму реабилитации роли кормильца и главы семьи, обязанностей и долга, а не через новые формы эмоциональной близости и равенства (Hanlon 2018). Современные исследования показывают, что ЗМ развивается в сложной динамике между вызовом патриархату и необходимостью адаптироваться к идеологиям неолиберализма и консерватизма. Мужчины низших классов и маргинализованные мужчины часто развивают формы заботы, сочетающие традиционные и новые элементы, что создает скорее гибридные маскулинности, отражающие сложность современных социальных условий, в чем признается и сама Эллиотт в недавней работе (Elliott 2024). Элисон Пью в книге «Сообщество перекасти-поле» (Pugh 2015) подчеркивает, что маскулинность в условиях экономической нестабильности — это опыт, пронизанный неопределенностью и поиском статуса, поскольку традиционные мужские роли «защитника» и «кормильца» ослаблены. В неолиберальной экономике многие мужчины сталкиваются с потерей устойчивых рабочих мест, ослаблением семейных и социальных связей, что ведет к новым формам маскулинности, в основе которых лежит неуверенность в традиционных моделях гендерной власти. Это по совокупности

и способствует порождению «гибридных маскулинностей» — в духе метафоры «перекати-поле» — то есть совмещающих доминирование с подбираемыми практиками заботы. Участие в реализации заботы в семье и в профессиональной сфере оплачиваемого ухода становится одним из адаптивных способов восстановления социального статуса и самоидентификации (Ibid.).

Таким образом, хотя современные модели маскулинности все чаще включают элементы эмоциональной уязвимости и готовности к заботе, ЗМ — это скорее не альтернативная маскулинная идентичность, а целый спектр концептуальных и дискурсивных реакций на интервенцию привлекательной социальной идеи: от утопической программы, надежды на искомые изменения гегемонной маскулинности до гибридной стратегии ее приспособления в изменяющихся условиях при стремлении сохранить властные притязания.

Заключение

Мы начинали работу с концептом ЗМ с весьма оптимистичными ожиданиями, которые были связаны с тем, что наконец гендеристика получила возможность культурно и научно обоснованного обоснования для *маскулинного разворота*. Снять угрозы демаскулинизации или навязанной через специфику труда феминизации в современной культуре означает получить в руки сильное средство для разработки и внедрения новых форм дискурсивной поддержки модернизированной маскулинности. Но более глубокое ознакомление с научной дискуссией заставило нас принять во внимание и другой, критический порядок аргументов.

Таким образом, концепцию заботящейся маскулинности можно понимать в двух ипостасях: 1) как политический или социально-политический проект с выраженным запросом на маскулинизацию труда заботы как в частной, так и публичной сфере, или 2) как способ лучше понять и легитимировать процесс вовлеченного участия мужчин в практики заботы на пересечении социально-структурных условий, учитывая ориентацию на гегемонную маскулинность и сопротивление гендерному равенству. Альтернативный концепт — «гибридная маскулинность» также может помочь критически осмыслить трансформацию мужских ролей, не теряя фокуса на неравенстве и распределении или сохранении власти. Именно инкорпорирование или апроприация отдельных дискурсивно привлекательных практик альтернативных маскулинностей обеспечивает внутреннюю диверсификацию гегемонной маскулинности, гибридизирует гегемонный маскулинный альянс в целях гибкости, необходимости отреагировать и пере-

группироваться перед лицом конкретных социальных и экономических проблем. В этом ключе необходимы новые исследования, в том числе те, которые могли бы показать, какие формы заботы действительно способствуют гендерному равенству (Wojnicka, de Voise 2025, p. 16), какова динамика властных отношений в отношениях заботы. В этом ряду и позднейшие усилия самой К. Эллиотт и ее коллег, которые поместили в фокус теоретико-эмпирического исследования дискурсивный идеал мужской автономии, показав, что мужчины неизбежно вовлечены в отношения и взаимозависимы (Elliott et al. 2022). Эти выводы согласуются с возможностью реализации призыва Дж. Тронто к этике заботы, основанной на «ценностях, традиционно связанных с женщинами», а не на «женской морали» (Tronto 1993, p. 3). Признание того, что мужчины укоренены в отношениях, открывает возможности для оспаривания негативного влияния дискурса мужской автономии и для переосмысления понятия мужественности.

98

Этическая направленность и «оптимистичность» концепции ЗМ делают из этой незавершенной теории способ сформировать позитивный или прогрессивный образ мужчин, ослабляя исходный критический потенциал понятия (Beasley 2012). Для развития этой концепции также требуется более глубокое эмпирическое изучение мужских практик заботы и мужской эмоциональности: «Невозможно деконструировать мужскую власть, не реконструируя эмоциональную жизнь мужчин» (Hanlon 2012, p. 66). Иными словами, всегда есть риск, что забота может стать формой патриархального патронажа, «дающего мужчинам власть “знать как лучше”» (Allan 2024, p. 7). Размышляя о перспективах применения концепции ЗМ в исследовательской практике, о ее эмпирической апробации, мы обнаруживаем два взаимосвязанных сюжета, которые уже реализуются в исследованиях и нуждаются в дальнейшем развитии: 1) мера вовлеченности в практики современного отцовства и формы отцовской заботы (сфера неоплачиваемой домашней заботы в семье) и 2) оплачиваемая работа по уходу и заботе (сфера (вне)институциональной заботы о пожилых и при ОВЗ).

На основе вышесказанного нам представляется, что концепция ЗМ ограничена определенными областями социальных исследований, которые, с одной стороны, критически пересматривают гендерные отношения с помощью категории заботы, а с другой — формируют идеал маскулинности или утопичное представление о мужских практиках заботы, ослабляющие критический потенциал социологии гендерных отношений и социологии заботы. Поэтому и понятие остается амбивалентным, но невероятно привлекательным для изучения меняющихся гендерных отношений.

Финансирование / Funding

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

The article was prepared within the framework of the Fundamental Research Program of the National Research University Higher School of Economics.

Список источников / References

Бороздина Е., Здравомыслова Е., Тёмкина А. (ред.) (2019) *Критическая социология заботы: перекрестки социального неравенства*: сборник статей. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. EDN: LMFWRJ

— Borozdina E., Zdravomyslova E., Temkina A. (Eds.) (2019) *Critical sociology of care: Intersections of social inequality*: A collection of articles. St. Peterburg: Izdatel'stvo Europeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (in Russ.)

Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. (2018) Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, № 6, с. 48–73. EDN: VWSALC. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>.

— Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. (2018) What is «masculinity»: Conceptual keys to critical studies of men and masculinities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (6), pp. 48–73. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.03>. (in Russ.)

Лехциер В. Л. (2019) Логика заботы versus логики выбора в современных концепциях медицинской практики. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 11(20), с. 36–53. EDN: CSOFJM. <https://doi.org/10.19181/inter.2019.20.2>

— Lekhtsier V. L. (2019) The logic of care versus the logics of choice in modern concepts of medical practice. *Interaction. Interview. Interpretation*, 11(20), pp. 36–53. <https://doi.org/10.19181/inter.2019.20.2>. (in Russ.)

Тартаковская И. Н. (2007) Гендерная теория как теория практик: подход Роберта Коннелла. *Социологический журнал*, (2), с. 5–23. EDN: PCVZNX

— Tartakovskaya I. N. (2007) Gender theory as a theory of practices: The approach of R. Connell. *Sociological Journal*, (2), pp. 5–23. (in Russ.)

Чернова Ж. (2011) Кто, о ком и на каких условиях должен заботиться? Гендерный анализ режимов заботы и семейной политики. *Журнал исследования социальной политики*, 9(3), с. 295–318. EDN: OIVUJR

— Chernova Zh. (2011) Who should care for whom and on what terms? A gender analysis of care regimes and family policy. *Journal of Social Policy Studies*, 9(3), pp. 295–318. (in Russ.)

Acker J. (1992) Gendering organizational theory. In A. J. Mills & P. Tancred (Eds.), *Gendering organizational analysis* (pp. 248–260). Sage.

Allan J. A. (2022a) Against typologies: Affect and masculinity studies. In T. W. Reeser (Ed.), *The Routledge companion to gender and affect* (pp. 43–54). Routledge.

Allan J. A. (2022b) "Husbands are pregnant, too": Caring masculinities in pregnancy books for men. *The Journal of Men's Studies*, 31(2), pp. 282-302. <https://doi.org/10.1177/10608265221122799>

Allan J. A. (2024) "Condoms break. Birth control fails." Heroes in the procreative realm and Jessica Scott's "Anything for you". *Journal of Popular Romance Studies*, 13, pp. 1-14.

Anderson E. (2009) *Inclusive masculinity: The changing nature of masculinities*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203871485>

Anderson E. (2012) *Inclusive masculinity: The changing nature of masculinities*. Routledge.

Anderson E., McCormack M. (2018) Inclusive masculinity theory: Overview, reflection and refinement. *Journal of Gender Studies*, 27(5), pp. 547-561. <https://doi.org/10.1080/09589236.2016.1245605>

Banerjee A., de Courcy K., Moore K. K., Wolfe J. (2022) Domestic workers chartbook. *Economic Policy Institute*. Retrieved October 3, 2024, from <https://www.epi.org/publication/domestic-workers-chartbook-2022>

Baral A. (2021) "Thanks to corona virus": Trajectories of masculinities during the Ugandan lockdown. *NORMA*, 16(3), pp. 174-189. <https://doi.org/10.1080/18902138.2021.1956830>

Baur N., Luedtke J. (2008) Konstruktionsbereiche von Männlichkeit: Zum Stand der Männerforschung [Areas of masculinity construction: On the state of men's studies]. In N. Baur & J. Luedtke (Eds.), *Die soziale Konstruktion von Männlichkeit: Hegemoniale und marginalisierte Männlichkeiten in Deutschland* (The social construction of masculinity: Hegemonic and marginalized masculinities in Germany) (pp. 7-30). Barbara Budrich. <https://doi.org/10.2307/j.ctvndv9jf.3>

Beasley C. (2012) Problematizing contemporary men/masculinities theorizing. *British Journal of Sociology*, 63(4), pp. 747-765. <https://doi.org/10.1111/j.1468-4446.2012.01434.x>

Boise S. de (2015a) I'm not homophobic, "I've got gay friends." *Men and Masculinities*, 18(3), pp. 318-339. <https://doi.org/10.1177/1097184X14554951>

Boise S. de (2015b) *Men, masculinity, music and emotions*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137436092>

Boise S. de (2022) Changing men, changing masculinities. *International Journal for Masculinity Studies*, 17(1), pp. 1-6. <https://doi.org/10.1080/18902138.2022.2063842>

Boise S. de (2024) Enculturating men, cultivating masculinity. *International Journal for Masculinity Studies*, 19(4), pp. 1-6. <https://doi.org/10.1080/18902138.2024.2345501>

Bourdieu P. (1997) Die männliche Herrschaft. (Male domination). In: Dölling Irene/Krais Beate (Hrsg.): *Ein alltägliches Spiel. Geschlechterkonstruktion in der sozialen Praxis*. (An everyday game: Gender construction in social practice) Frankfurt/Main: Suhrkamp, S. 153-216

Boyle M. (2002) "Sailing twixt Scylla and Charybdis": Negotiating multiple organizational masculinities. *Women in Management Review*, 17(3/4), pp. 131-141. <https://doi.org/10.1108/09649420210425255>

Brannon R. C. (1976) No "Sissy Staff": The Stigma of Anything Vaguely Feminine. In David, Deborah S. and Brannon, Robert (Eds.), *The Forty-Nine Percent Majority: The Male Sex Role*. Reading, Mass.: AddisonWesley.

Bridges T., Pascoe C. J. (2014) Hybrid masculinities: New directions in the sociology of men and masculinities. *Sociology Compass*, 8(3), pp. 246–258. <https://doi.org/10.1111/soc4.12134>

Budde J. (2025) Männlichkeiten zwischen Sorge und Sorglosigkeit? (Masculinities between care and carelessness?). In S. Schuppener, J. Budde, M.-A. Boger, N. Leonhardt, A. Goldbach, A. Hackbarth, S. Mackert (Eds.), *Sorge und Solidarität. Erziehungswissenschaftliche Verhältnisbestimmungen zwischen Inklusion und Exklusion* [Care and solidarity: Educational determinations of the relationship between inclusion and exclusion] (pp. 85–97). Verlag Barbara Budrich.

Budde J., Rieske T. V. (2020) Auseinandersetzungen mit (Neuen) Theorien für die erziehungswissenschaftliche Forschung zu Männlichkeiten [Engagements with (new) theories for educational research on masculinities]. In M. Kubandt & J. Schütz (Eds.), *Methoden und Methodologien in der erziehungswissenschaftlichen Geschlechterforschung* [Methods and methodologies in educational gender research] (pp. 234–256). Verlag Barbara Budrich. <https://doi.org/10.2307/j.ctvscxrcp.15>

Buschmeyer A. (2013) *Zwischen Vorbild und Verdacht: Wie Männer im Erzieherberuf Männlichkeit konstruieren* [Between role model and suspicion: How men construct masculinity in the educator profession]. Springer VS. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-00990-8>

Carrigan T., Connell R., Lee J. (1985) Toward a new sociology of masculinity. *Theory and Society*, 14(5), pp. 551–604. <https://www.jstor.org/stable/657315>

101

Ciaputa E., Warat M., Krzaklewska E. (2023) It takes two to be equal? Middle-class men managing care and work during the COVID-19 pandemic in Poland. *Gender and Research*, 24(1), pp. 62–86. <https://doi.org/10.13060/gav.2023.008>

Cockburn C. K. (1991) *In the way of women: Men's resistance to sex equality in organizations*. Macmillan.

Connell R. W. (1987) *Gender and power: Society, the person and sexual politics*. Stanford University Press.

Connell R. W. (1995) *Masculinities*. University of California Press.

Connell R. W. (1999) *Der gemachte Mann: Konstruktion und Krise von Männlichkeiten* [The made man: Construction and crisis of masculinities]. Leske + Budrich. <https://doi.org/10.1007/978-3-663-09604-7>

Connell R. W. (2000) *The men and the boys*. University of California Press.

Connell R. W. (2015) An iron man: The body and some contradictions of hegemonic masculinity. *Sociological Perspectives on Sport*, 3(2), pp. 141–149.

Connell R. W., Messerschmidt J. W. (2005) Hegemonic masculinity: Rethinking the concept. *Gender & Society*, 19(6), pp. 829–859. <https://doi.org/10.1177/0891243205278639>

Davis K. (2008) Intersectionality as buzzword: A sociology of science perspective on what makes a feminist theory successful. *Feminist Theory*, 9(1), pp. 67–85. <https://doi.org/10.1177/1464700108086364>

Davis M. S. (1971) That's interesting! Towards a phenomenology of sociology and a sociology of phenomenology. *Philosophy of the Social Sciences*, 1(2), pp. 309–344. <https://doi.org/10.1177/004839317100100211>

Demetriou D. Z. (2001) Connell's concept of hegemonic masculinity: A critique. *Theory and Society*, 30(3), pp. 337-361. <https://www.jstor.org/stable/657965>

Elliott K. (2016) Caring masculinities: Theorizing an emerging concept. *Men and Masculinities*, 19(3), pp. 240-259. <https://doi.org/10.1177/1097184X15576203>

Elliott K. (2019a) Negotiations between progressive and "traditional" expressions of masculinity among young Australian men. *Journal of Sociology*, 55(1), pp. 108-123. <https://doi.org/10.1177/1440783318802996>

Elliott K. (2019b) Zum Problem von Macht und Dominanz im Konzept Caring Masculinities [On the problem of power and dominance in the concept of caring masculinities]. In S. Scholz & A. Heilmann (Eds.), *Caring Masculinities? Männlichkeiten in der Transformation kapitalistischer Wachstumsgesellschaften* (Caring masculinities? Masculinities in the transformation of capitalist growth societies) (pp. 201-212). Oekom Verlag.

Elliott K., Roberts S., Ralph B., Robards B., Savic M. (2022) Understanding autonomy and relationality in men's lives. *British Journal of Sociology*. 73(3), pp. 571-586.

Elliott K., Roberts S. (2024) Caring masculinities among working-class men in blue-collar occupations in the UK: Understanding biographies of care. *Gender, Work & Organization*, 31(5), pp. 1690-1706. <https://doi.org/10.1111/gwao.12936>

Evans A. (2019) Negotiating caring masculinities. *Ethnography*, 20(4), pp. 535-554. <https://doi.org/10.1177/1466138119842964>

Fthenakis W. E., Minsel B. (2002) *Die Rolle des Vaters in der Familie* (The role of the father in the family). Bundesministerium für Familie, Senioren, Frauen und Jugend.

Fraser N. (1997) *Justice Interruptus. Critical Reflections on the "Postsocialist" Condition*. NY & London: Routledge.

Garlick S. (2021) Technologies of (in)security: Masculinity and the complexity of neoliberalism. *Feminist Theory*, 24(2), pp. 170-187. <https://doi.org/10.1177/146470012111046323>

Geisler E., Kreyenfeld M. (2018) Policy reform and fathers' use of parental leave in Germany: The role of education and workplace characteristics. *Journal of European Social Policy*, 29(2), pp. 273-291. <https://doi.org/10.1177/0958928718765638>

Gilligan C. (1982) *In a different voice: Psychological theory and women's development*. Harvard University Press.

Gramsci A. (1971) *Selections from the prison notebooks* (Q. Hoare & G. N. Smith, Eds. & Trans.). International Publishers.

Hanlon N. (2012) *Masculinities, care and equality: Identity and nurture in men's lives*. Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9781137275549>

Hanlon N. (2018) Carefree masculinities in Ireland: Gender conservatism and neoliberalism. *Irish Journal of Anthropology*, 21(1), pp. 110-116.

Hearn J. (2004) From hegemonic masculinity to the hegemony of men. *Feminist Theory*, 5(1), pp. 49-72. <https://doi.org/10.1177/1464700104040813>

Hearn J., Parkin W. (1987) *"Sex" at "work": The power and paradox of organisation sexuality*. St. Martin's Press.

Heath M. (2003) Soft-boiled masculinity: Renegotiating gender and racial ideologies in the Promise Keepers movement. *Gender & Society*, 17(3), pp. 423–444. <https://doi.org/10.1177/0891243203017003008>

Heilmann A., Korn A., Scholz S. (2019) Vom Wachstum zur Fürsorge? Männlichkeiten in der Transformation kapitalistischer Wachstumsgesellschaften (From growth to care? Masculinities in the transformation of capitalist growth societies). In S. Scholz & A. Heilmann (Eds.), *Caring Masculinities? Männlichkeiten in der Transformation kapitalistischer Wachstumsgesellschaften* (Caring masculinities? Masculinities in the transformation of capitalist growth societies) (pp. 13–42). Oekom Verlag.

Held V. (2006) *The ethics of care: Personal, political, and global*. Oxford University Press.

Holter Ø. G., Lindquist C. S. (2003) *Can men do it? Men and gender equality—the Nordic experience*. Nordic Council of Ministers.

Hrženjak M., Scambor E. (2019) Why do research into men's care work? *Theorija in Praksa*, 56(4), pp. 1018–1035.

Huck C., Bauernschmidt S. (2012) Trans-cultural appropriation. In C. Huck & S. Bauernschmidt (Eds.), *Travelling goods, travelling moods: Varieties of cultural appropriation (1850–1950)* (pp. 229–251). Campus Verlag.

Hunter S. C., Riggs D. W., Augoustinos M. (2017) Hegemonic masculinity versus a caring masculinity: Implications for understanding primary caregiving fathers. *Social and Personality Psychology Compass*, 11(3), e12307. <https://doi.org/10.1111/spc3.12307>

Kimmel M. S. (2010) *Misframing men: The politics of contemporary masculinities*. Rutgers University Press.

Kittay E. F. (1999) *Love's labor: Essays on equality, women, and dependency*. New York: Routledge

Kluczynska U. (2021) Caring masculinity or hybrid masculinity? An analysis of research results on male nurses in Poland. *Society Register*, 5(1), pp. 7–26. <https://doi.org/10.14746/sr.2021.5.1.01>

Laclau E., Mouffe C. (2001) *Hegemony and socialist strategy: Towards a radical democratic politics* (2nd ed.). Verso.

Laufenberg M. (2017) Fürsorge, Männlichkeit und Postwachstum — Ein Kommentar [Care, masculinity and post-growth — A commentary]. *Feministische Studien*, 35(2), pp. 359–364. <https://doi.org/10.1515/fs-2017-0038>

Meuser M. (2003) Modernized masculinities? Continuities, challenges and changes in men's lives. In S. Ervø & T. Johansson (Eds.), *Among men: Moulding masculinities* (Vol. 1, pp. 127–148). Ashgate.

Meuser M. (2005) Vom Ernährer der Familie zum ‚involvierten‘ Vater? Zur ambivalenten Modernisierung von Männlichkeit [From the family breadwinner to the “involved” father? On the ambivalent modernization of masculinity]. *Figurationen*, 6(2), pp. 91–106. <https://doi.org/10.7788/figurationen.2005.6.2.91>

Meuser M. (2016) Entgrenzungen von Erwerbsarbeit und Familie: Neubestimmung der Position des Mannes in der Familie? [Blurring boundaries of gainful employment and family: Redefining the position of men in the family?]. In D. Lengersdorf & M. Meuser (Eds.), *Männlichkeiten und der Strukturwandel von Erwerbsarbeit in global-*

isierten Gesellschaften. *Diagnosen und Perspektiven* [Masculinities and the structural change of gainful employment in globalized societies: Diagnoses and perspectives] (pp. 159–179). Beltz Juventa.

Messner M. A. (2004). On patriarchs and losers: Rethinking men's interests. *Berkeley Journal of Sociology*, 48, 74–88. <https://www.jstor.org/stable/41035593>

Nayak A. (2023) Decolonizing care. *Men and Masculinities*, 26(2), 167–187. <https://doi.org/10.1177/1097184X221149308>

O'Neill R. (2015) Whither critical masculinity studies? Notes on inclusive masculinity theory, postfeminism, and sexual politics. *Men and Masculinities*, 18(1), 100–120. <https://doi.org/10.1177/1097184X14553056>

Pangritz J. M. (2023) Verortungen transformierter und transformierender Männlichkeiten — ein theoretischer Beitrag zum Verhältnis von Caring Masculinities und hybriden Männlichkeiten [Locations of transformed and transforming masculinities — a theoretical contribution to the relationship between caring masculinities and hybrid masculinities]. *Gender: Zeitschrift für Geschlecht, Kultur und Gesellschaft*, 15(3), pp. 135–150. <https://doi.org/10.25595/2985>

Petersen A. (2003) Research on men and masculinities: Some implications of recent theory for future work. *Men and Masculinities*, 6(1), pp. 54–69. <https://doi.org/10.1177/1097184X03250940>

104

Prattes R. (2022) Caring masculinities and race: On racialized workers and “new fathers”. *Men and Masculinities*, 25(5), pp. 721–742. <https://doi.org/10.1177/1097184X211065024>

Puchert R., Gärtner M., Höyng S. (Eds.) (2005) *Work changes gender: Men and equality in the transition of labour forms*. Barbara Budrich Publishers.

Pugh A. J. (2015) *The tumbleweed society: Working and caring in an age of insecurity*. Oxford University Press.

Rogers R. A. (2006) From cultural exchange to transculturation: A review and reconceptualization of cultural appropriation. *Communication Theory*, 16(4), pp. 474–503. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2006.00277.x>

Salin M., Ylikännö M., Hakovirta M. (2018) How to divide paid work and unpaid care between parents? Comparison of attitudes in 22 Western countries. *Social Sciences*, 7(10), p. 188. <https://doi.org/10.3390/socsci7100188>

Scambor E., Bergmann N., Wojnicka K., Belghiti-Mahut S., Hearn J., Holter Ø. G., Gärtner M., Hrzénjak M., Scambor C., White A. (2014) Men and gender equality: European insights. *Men and Masculinities*, 17(5), pp. 552–577. <https://doi.org/10.1177/1097184X14558239>

Scambor E., Jauk D., Gärtner M., Bernacchi E. (2019) Caring masculinities in action: Teaching beyond and against the gender-segregated labour market. In S. Magaragia, G. Mauerer, M. Schmidbauer (Eds.), *Feminist perspectives on teaching masculinities: Learning beyond stereotypes*, (pp. 123–136). Routledge.

Scambor E., Gärtner M., Holter Ø. G., Snickare L., Warat M. (2024) Caring masculinities at work: Theoretical and empirical perspectives across Europe. *Gender, Work & Organization*, 31(5), pp. 1605–1615. <https://doi.org/10.1111/gwao.13034>

Scholz S., Heilmann A. (Eds.) (2019) *Caring masculinities? Männlichkeiten in der Transformation kapitalistischer Wachstumsgesellschaften* [Caring masculinities? Masculinities in the transformation of capitalist growth societies]. Oekom Verlag.

Schrock D., Schwalbe M. (2009) Men, masculinity, and manhood acts. *Annual Review of Sociology*, 35, pp. 277–295. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-070308-115933>

Tronto J. C. (1993) *Moral boundaries: A political argument for an ethic of care*. Routledge.

Tronto J. C. (2013) *Caring democracy: Markets, equality, and justice*. New York University Press.

Tunç M. (2018) *Väterforschung und Väterarbeit in der Migrationsgesellschaft: Rassismuskritische und intersektionale Perspektiven* [Father research and father work in the migration society: Critical race and intersectional perspectives]. Springer VS. <https://doi.org/10.1007/978-3-658-21190-5>

Ungerson C. (2006) Gender, care, and the welfare state. In K. Davis, M. Evans, & J. Lorber (Eds.), *Handbook of gender and women's studies* (pp. 272–286). SAGE Publications. <https://doi.org/10.4135/9781848608023.n16>

Waling A. (2019) Rethinking masculinity studies: Feminism, masculinity, and post-structural accounts of agency and emotional reflexivity. *The Journal of Men's Studies*, 27(1), pp. 89–107. <https://doi.org/10.1177/1060826519830212>

Ward M. R. M. (Ed.) (2021) The continual relevance of The Men and the Boys, twenty years on: Revisiting Raewyn Connell's pivotal text. *Boyhood Studies*, 14(1), pp. 1–5. <https://doi.org/10.3167/bhs.2021.140101>

Wojnicka K., de Boise S. (2025) Caring masculinities: Rethinking the concept. *Men and Masculinities*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1177/1097184X251327673>

Об авторax / About the authors

Рождественская Елена Юрьевна — д.соц.н., профессор НИУ ВШЭ, в.н.с. МЛИСИ НИУ ВШЭ, в.н.с. Института социологии ФНИСЦ РАН. Научные интересы: социология гендера, социология элит, качественная социология, биографический метод.

<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>. E-mail: erozhdestvenskaya@hse.ru

Elena Yu. Rozhdestvenskaya — Doctor of Social Sciences, Professor at the National Research University Higher School of Economics, Leading Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Research interests: sociology of gender, sociology of elites, qualitative sociology, biographical method.

<https://orcid.org/0000-0001-6874-2404>. E-mail: erozhdestvenskaya@hse.ru

Симонова Ольга Александровна — к.соц.н., доцент НИУ ВШЭ. Научные интересы: социология эмоций, социология заботы, история социологии, социология культуры.

<https://orcid.org/0000-0003-4231-7076>. E-mail: olgsimon@gmail.com

Olga A. Simonova — PhD in Social Sciences, Associate Professor at the National Research University Higher School of Economics. Research interests: sociology of emotions, sociology of care, history of sociology, sociology of culture.

<https://orcid.org/0000-0003-4231-7076>. E-mail: olgsimon@gmail.com